
М. А. ЕВСЕЕВ

ПРАВО КАК ОТКРЫТАЯ САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Среди разнообразия связей, удерживающих социальную структуру от распада, ведущими факторами стабильности в обществе на разных этапах его развития выступают различные социальные регуляторы – в современном обществе это преимущественно право. Право вносит в социальную жизнь нормативные начала, которые несовместимы с произволом. Именно как явление, противостоящее произволу и в то же время обеспечивающее простор для упорядоченной социальной свободы и активности, право занимает значимое место в социальной жизни. Его ценность, таким образом, задана изначально его социальной природой, но реальная значимость, фактическая роль в обеспечении социальной стабильности зависит от уровня развития социума, его цивилизованности, характера политического режима. Можно сказать, что исходный момент, характеризующий результативные качества права, это его способность обеспечить всеобщий устойчивый порядок.

Рассмотрение права как формы порядка между тем не может претендовать на полноту без освещения того факта, что сам порядок многозначен и что существуют формы социального порядка, отрицающие право в том понимании, в котором оно освещается в настоящей статье.

Порядок, основанный на праве¹, является элементом порядка *социального*, характеризующего, в свою очередь, более широкие сферы человеческой жизнедеятельности и проявляющегося в определенном единообразии и регулярности различных форм поведения. Но для социальной жизни характерны и различные состояния неупорядоченности, нестабильности. Более того, социальная эволюция часто происходит под знаком таких явлений, как «хаос», «смута», «разлом», «раскол», «взрыв», что достаточно сложно соот-

¹ Правопорядок – упорядоченность общественных отношений, выражающаяся в правомерном поведении их участников (Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2001. – С. 546).

нести с социальным порядком, а тем более с правопорядком. Особо остро выявляются эти состояния в условиях революции, коренных трансформаций общественной системы, политических кризисов, быстрых перестроек существующих социальных институтов.

Применительно к анализу социальных систем проблематика порядка и хаоса сейчас плодотворно разрабатывается с позиций синергетики². Синергетическая методология позволяет увидеть социальную реальность в достаточно новом ракурсе. В работах многих современных авторов (В. И. Аршинова, В. В. Васильковой, К. Х. Делокарова, И. С. Добронравовой, А. П. Назаретяна) обосновывается идея о продуктивности экстраполяции синергетического подхода к области социальных отношений. Синергетический подход применяется в политологии (О. В. Митина, В. Ф. Петренко), в исследовании искусства и культуры (О. Н. Астафьева, И. А. Евин). Е. Князева и С. Курдюмов показали, что «синергетика может выступить в качестве методологической основы для прогностической и управленческой деятельности в современном мире»³. А. Б. Венгеров в 1986 г. поставил вопрос об использовании синергетики в сфере права⁴. Нас будут интересовать исследовательские возможности синергетической парадигмы применительно к трактовке права как открытой самоорганизующейся системы, влияющей на состояние социальной стабильности.

С позиций синергетики сложность системы определяется ее внутренней структурой (включающей различные подсистемы, функционирующие в том числе и по собственным законам), а также необратимостью развития (то есть невозможностью приведения системы в абсолютно то же состояние, что и первоначальное), нелинейностью, неопределенностью. Открытость системы говорит о том, что она находится в состоянии постоянного обмена энергией, веществом с окружающим миром (изначально речь шла о химических и физических процессах, а применительно к обществу это мо-

² См.: Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. – М., 1989; Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Лань, 1999; Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФРАН, 1999.

³ Князева, Е., Курдюмов, С. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 38–51.

⁴ Венгеров, А. Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 36–45.

гут быть любые факторы, оказывающие воздействие на его развитие, например информация).

Обозначенные характеристики в полной мере относятся к праву, хотя и с известными оговорками: правовая система в силу ее жесткой нормативности, «завязанности» на закрепленные в законе правила менее подвижна, чем любая другая социальная система (право в известной степени консервативно), и тем не менее, повторяем, синергетическая методология может дать исследовательский «эффект» в ее анализе в целом и в случае обращения к феномену правопорядка в частности.

Наиболее исследованной с позиций синергетики проблема социального порядка предстает в работах Н. Н. Моисеева, В. В. Васильковой, П. Я. Яковлева, И. Н. Барыгина. Авторы рассматривают порядок как явление, существующее «в силу необходимой борьбы системы с неблагоприятными условиями»⁵. Порядок, таким образом, ориентирован на самосохранение системы и может быть определен через такие понятия, как «стабильность», «последовательность», «прогнозируемость». Ему «противостоит» состояние хаоса, но не только в качестве деструктивного момента, а в известной мере и в качестве фактора самого порядка. В состоянии хаоса «материя становится “активной”»: она порождает необратимые процессы, а необратимые процессы организуют материю⁶ и в этом смысле выступают источником порядка.

Таким образом, хаос – это не только состояние, в которое приходит система после своего разрушения, но и основа для ее дальнейшего развития, начало для эволюции в новом направлении, поскольку у него есть внутренние тенденции к порядку. Путь от старого порядка через хаос к новому порядку можно описать следующей схемой: порядок – флуктуации – разрушение порядка – поливариантность – становление нового порядка. Рождение нового порядка из хаоса с синергетической точки зрения не вынуждается какой-то внешней по отношению к данной реальности силой, а имеет глубинный спонтанный характер: сложные открытые системы способны к самоорганизации, выходу из хаоса и внутренней согласованности, у этих систем есть внутренние источники для саморазвития. Хаос и порядок, таким образом, не существуют отдельно

⁵ Василькова, В. В., Яковлев, П. И., Барыгин, И. Н. Волновые процессы в общественном развитии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 227 с.

⁶ Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. – М., 1986. – С. 37.

друг от друга, а возникают и существуют одновременно, взаимодействуют, и это взаимодействие соответствует диалектическому закону «единства и борьбы противоположностей». Но в обществе, как показывает история, открытое столкновение хаоса и порядка происходит достаточно редко. Здесь чаще наблюдается взаимопроникновение элементов хаоса и порядка. «В социальном мире, – пишет В. Г. Федотова, – “островной” характер порядка на фоне множества неупорядоченных явлений – тоже аксиома»⁷. Процесс формирования порядка, опосредованного правом (или правовая динамика), характеризуется непрерывным изменением правовых норм и институтов согласно изменяющимся общественным отношениям, и в этом контексте хаос характеризует не столько *нарушение* существующих правовых норм, сколько степень массовости таких правонарушений или их общественный масштаб, что указывает на отсутствие новых правовых норм, адекватных этим складывающимся отношениям, или, что то же самое, на наличие норм, не способных по разным причинам регулировать такие отношения⁸. Последнее влечет необходимость организации новых правил, учитывающих культурные особенности общества и способных регулировать эти изменившиеся отношения. Таким образом, право способно к самоорганизации через диалектику «порядка – хаоса». И в таком случае состояния порядка и хаоса, как это принято в синергетике, остаются в одном ряду методологических координат.

При таком подходе для нас исследовательский вопрос состоит в том, чтобы выявить, как соотносятся порядок и хаос с правопорядком, принимая во внимание вышеизложенные характеристики их взаимосвязи. В правовой сфере мы постоянно сталкиваемся с совокупностями, носящими системный характер и включающими в себя целый ряд достаточно самостоятельных компонентов (подсистем), развивающихся в том числе и по своим собственным внутренним законам. Ввиду постоянного взаимодействия большинства этих систем с явлениями неправового характера, с различными сферами жизни общества, с культурой в целом они носят открытый характер и соответственно подчиняются законам самоорганизации.

⁷ Федотова, В. Г. Анархия и порядок // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 24.

⁸ Это могут быть различные причины. Например, конфликт норм. К этому случаю применим расхожий термин «правовой хаос». Этот термин не является научным, однако отчетливо передает состояние сильной флуктуации внутри правовой системы, когда, например, в результате появления многочисленных субъектов нормотворчества часть норм начинает конкурировать друг с другом и поэтому не может регулировать складывающиеся отношения.

Как известно, одним из критериев самоорганизации выступает способность системы противостоять (или, скажем так, адекватно реагировать) воздействию окружающей среды. Внешнее воздействие, с одной стороны, способствует увеличению хаотичности внутри системы, но, с другой стороны, обуславливает ускорение темпа ее внутренних структурных изменений – система «отвечает» на внешнее воздействие. В сфере права под такими процессами можно понимать, например, такое воздействие социально-экономических преобразований на правовую систему, которое повлекло в конце прошлого века необходимость осуществления судебной реформы в России. Причиной этому было разрушение прежнего политического и экономического порядка и революционная по темпам перестройка всей системы социально-экономических отношений. Хаотизация, возникшая при этом внутри правовой системы, сопровождается конфликтом (рассогласованностью) норм права. Сложна в этом плане и современная ситуация. Так, современному юристу приходится действовать в условиях, когда различные нормативные акты, изданные разными, а подчас одними и теми же органами власти, противоречат друг другу, в результате он опирается на нормы, принадлежащие разным источникам, а в практике имеет разное истолкование одних и тех же фактов и событий. На этот факт обращают внимание современные исследователи⁹.

Обращаясь к рассмотрению законодательства с точки зрения его непротиворечивости, мы входим в область проблем, касающихся не столько технических аспектов права, сколько следствий, порожденных иными причинами, связанными с включенностью системы права в социальную систему, по своей природе более открытую, чем право. Вопрос в том, в какой степени право способно быстро и адекватно реагировать на эти воздействия. Если говорить о современных реалиях, то это проблемная правоприменительная практика, та сфера правовой реальности, где право получает свое непосредственное выражение. Дело тут не только в противоречивости нормативных актов, регулирующих ту или иную сферу общественной деятельности. Мы сталкиваемся с противоречивостью самой правоприменительной практики, которая во многом определяется *правосознанием* судей и

⁹ См., например: Розин, В. М. Юридическое мышление (формирование, социокультурный контекст, перспективы развития). – Алматы: ВШП «Эдилет», 2000. – С. 14.

работников следственных органов. Судебная реформа попросту «буксует», когда новые прогрессивные нормы упрутся в «пласты» «старого» профессионального правосознания.

Обратимся ко взгляду «со стороны». Анализируя советскую систему судопроизводства недавнего прошлого, Рене Давид пишет: «Во всей континентальной Европе, так же как и в Англии, право рассматривается как естественное дополнение морали и как одна из основ общества. Этого нельзя сказать о России». Советские юристы, отмечает он, разделяли и развивали идею, что государство в лице законодателя – высшая справедливость, «в то время как юристы Запада, напротив, выступали против нее и, чтобы возродить традиционную идею о тесной связи между правом и справедливостью, считали необходимым освободиться от установившейся в XIX веке связи между государством и правом»¹⁰. Возможно, что эти укорененные в профессиональном мышлении представления о праве являются одними из основных препятствий для судебной реформы. Новый закон сам по себе не способен перестроить сложившиеся формы деятельности как в сфере юстиции, так и в управляемой ей социальной сфере, поскольку реформирование касается прежде всего *понимания* того, что должно быть изменено, осознания необходимости таких изменений.

Иными словами, реформа не может быть реализована без обеспечивающих ее структур понимания и – во многом – правосознания. Для подтверждения указанной позиции приведем чисто юридическое понимание проблемы, гласящее о том, что в современном демократическом государстве сам характер законов не позволяет непосредственно применять многие из них к конкретным обстоятельствам. «Законодатель, употребив формулы без уточнения, – пишет Рене Давид, – тем самым дал полномочие на “свободный дополнительный поиск в рамках закона”. Этот свободный поиск требует от судей самостоятельных ценностных суждений, которые не могут быть выведены из позитивного права»¹¹.

Несмотря на некоторое возрастание роли права в жизни нашего общества, для правовой действительности характерно наличие указанных негативных тенденций. Подобные явления дезорганизации правовой системы вряд ли можно рассматривать как проявление

¹⁰ Давид, Рене. Основные правовые системы современности. – М., 1988. – С. 157.

¹¹ Там же. – С. 118–119.

некого творческого потенциала хаоса, скорее, это свидетельство «устаревания» того канала эволюции, в котором находится система. Возникшая флуктуация свидетельствует о том, что самоорганизация в этой системе проходит с недостаточной эффективностью. Существуют различные типы самоорганизации социальной системы, а это обуславливает различные проявления в них социального хаоса и порядка. Важно эти различия увидеть и дать им адекватную интерпретацию. В этой связи важен еще один постулат синергетики для нашего рассмотрения проблемы – о «закрытом» и «открытом» обществах, в которых самоорганизация проходит разными путями. Заметим, что социальная философия оперирует этими понятиями, понимая их достаточно условно, как идеальные модели, поскольку полностью закрытые – изолированные – социальные системы в исторической реальности не существуют. Главными критериями открытого общества и присущего ему типа порядка являются наличие частной собственности, рыночных отношений, гражданского общества, доминирование в социальной структуре «среднего» класса, развитой правовой системы и приоритета прав человека, многопартийности, идеологического и политического плюрализма, способности к динамичному развитию, инноватике. Понятно, что конкретные социальные системы обладают как чертами открытой системы, так и признаками закрытой системы, поэтому более или менее определенно их можно отнести к тому или иному типу по доле признаков открытого или закрытого состояния и по степени их выраженности.

Для осуществления правовых преобразований, целью которых является развитие демократии путем становления демократических институтов, в условиях отсутствия достаточных демократических традиций, основной задачей является повышение уровня правового и политического сознания, правовой культуры. Вряд ли можно полагать, что демократические ценности рождаются *непосредственно* из частнособственнических экономических отношений. «Крайность, которая нередко встречается при анализе взаимосвязи политики и экономики, – пишет С. Э. Крапивенский, – проявляется в попытках вывести напрямую форму политической власти из того или иного типа экономической системы, а точнее, из

лежащего в его основе типа собственности»¹². В подобных построениях праву в конечном счете отводится роль механизма, обеспечивающего претворение в жизнь любых властных инициатив, нам же следует учитывать, что легитимация частной собственности не порождает автоматически демократию. М. Вебер по этому поводу писал: «Как бы сильно ни приходилось в борьбе за такие “индивидуалистические” жизненные ценности учитывать “материальные” условия окружающего мира, столь же мало можно было бы предоставить “реализацию” этих ценностей “экономическому развитию”. Шансы “демократии” и “индивидуализма” были бы куда как невелики, если бы в “развитии» их нам пришлось бы полагаться на “закономерное” действие материальных интересов... Фактически они (демократия и свобода) существуют лишь там, где за ними – решительная воля нации не дать править собой как стадом баранов»¹³. Для осуществления демократических преобразований граждане должны обладать определенным уровнем правосознания, политической и правовой культуры, в противном случае такие инновации отвергаются обществом как чужеродное тело.

Пример из совсем недавней нашей истории. Нам известна реакция российского общества на проводимую государством политику реформ по принципу «шоковой терапии». Под лозунгами о том, что рыночный механизм саморегулирования автоматически приведет к всеобщему процветанию, власть отказалась от социальных программ. Такая ситуация, по оценке В. Г. Федотовой, стала препятствием для проведения реформы, деструктивной общественной тенденции, связанной с распадом социального порядка и социальных структур, преобладанием дифференциации над интеграцией, диффузным протеканием социальных процессов, отсутствием системного распределения власти, проявлением нелегитимного насилия¹⁴. Заметим, что право не является «примордиальной ценностью», это – ценность более высокого порядка. Соответственно индивидуализм, порожденный анархистским состоянием, вряд ли может рассматриваться как имеющий отношение к модернистской политической культуре, ориентированной на авторитет права.

¹² Крапивенский, С. Э. Социальная философия. – М.: ВЛАДОС, 2004. – С. 203.

¹³ Вебер, М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 130–131.

¹⁴ Федотова, В. Г. Анархия и порядок // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 34.

Суть демократических преобразований, напротив, должна состоять в том, чтобы обеспечить деятельность государства в форме хорошо разработанных правовых норм, выступающих как высшее обязывающее начало для различных свободных сил, проявляющихся в обществе. Подлинная идея социального порядка, сошлемся на Э. Кассирера, состоит в том, «чтобы не дать отдельным волям затеряться в общем нивелировании, а сохранить их в их своеобразии (а тем самым и в их противостоянии друг другу), но одновременно так определить свободу каждого индивида, чтобы ее границей была свобода другого»¹⁵. Если исходить из ценностного понимания права, согласно которому содержание последнего составляют общечеловеческие ценности, то следует говорить о приоритете права перед государством. Государство не произвольно в установлении правовых норм, оно связано идейным содержанием права; далеко не все законы, принятые государством, оказываются правовыми. Именно при таком понимании права, когда оно приобретает приоритет перед государством, можно говорить о правовом государстве. Определяющий содержательный признак правового государства – связанность государства правом.

Формирование социальной системы открытого типа обычно связывают с формированием гражданского общества и правового государства. Государство всегда, в большей или меньшей степени является выразителем общей воли своих граждан, но лишь тогда, когда эта воля объемлет, с одной стороны, круг вопросов, действительно представляющих общегражданский интерес, а с другой стороны, обеспечивает решение гражданами их частных проблем, можно говорить о демократическом государстве и о гражданском обществе.

Если государство всегда выступает организатором порядка, то характер или тип социального порядка зависит от взаимоотношения государства с гражданским обществом. К анализу взаимодействия государства и гражданского общества применимы синергетические термины «динамическое равновесие» или «балансирующая (неравновесная) стабильность», характеризующие социальную систему открытого типа. В открытом обществе «мера хаоса (свободы и творчества) на одном “этаже” (гражданское общество) компен-

¹⁵ Кассирер, Э. Жизнь и учение Канта. – С. 208.

сируется мерой порядка (дисциплины) на другом “этаже” (государство), что придает такому обществу балансирующую (неравновесную) стабильность¹⁶». Развитое гражданское общество, характеризующееся степенью активности граждан и их объединений, есть важнейший признак правового государства и одна из главных предпосылок его формирования.

Сегодня можно выделить новую тенденцию правовой эволюции, содержанием которой является «наделение» решений независимых от государства структур правовой силой¹⁷. Соблюдение таких норм осуществляется добровольно в зависимости от их эффективности, они не нуждаются в процедуре признания их недействительными – им просто перестают следовать, когда жизненная ситуация делает норму непригодной. В последнее время в научной литературе такие нормы принято называть «мягким правом» («soft law»)¹⁸. Появление «мягкого права» как одного из способов правового регулирования свидетельствует о формировании новых субъектов нормотворчества и об открытии «канала» для формирования горизонтальных связей между ними.

Взаимодействие позитивного права, санкционированного государством, и «мягкого права», создаваемого участниками гражданского общества, проявляется как согласование, «взаимоналожение» законодательства, правоприменительных актов, с одной стороны, и правовых актов гражданского общества, с другой стороны. Благодаря такому согласованию может быть достигнуто равновесие между творческим потенциалом частных субъектов права и консервативностью законодательства и правосудия, что и будет выступать фактором эффективного функционирования правовой системы.

Синергетическое видение права, таким образом, предполагает его включенность в поток общественной самоорганизации, относительную самостоятельность по отношению к другим социальным системам, способность обмениваться информацией, взаимодействовать с окружающей социальной средой, способность преодолеть

¹⁶ Дебердеева, Т. Х. Синергетический подход к анализу социальных явлений. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 140.

¹⁷ См.: Slaughter, A. M. International Law in a World of Liberal States // European Journal of International Law. – 1995. – P. 279.

¹⁸ См.: Ibid.

вать критические неустойчивости, возникающие в социальной системе – способность «отвечать» на внешние воздействия, а значит, способность играть свою роль в общественной культуре.